

ВАЛЕНТИН КОЛЕСНИКОВ

ЗАМКОВАЯ ГОРА
РОМАН

16+

Валентин Колесников

Замковая гора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62692097

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93309-5

Аннотация

Это дополненное произведение к "Порталу" в новой редакции. Мистические события, изложенные в этом повествовании, дополняют произведение "Портал", ранее опубликованное на ЛитРес, и несет завершение событий, изложенных в "Портале"...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	21
Глава третья	30
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валентин Колесников

Замковая гора

Глава первая

Улица Андреевский спуск в Киеве, знаменита творчеством Булгакова. Здесь, в своем домике, на Андреевском спуске, ныне музей писателя, он начинал писать свое знаменитое произведение «Мастер и Маргарита», полное чудес и приключений. И не случайно, писателя вдохновляло мистическое расположение улицы. В начале Андреевского спуска стоит Андреевская Церковь, затем, чуть ниже высится готическое строение «Замок Ричарда – Львиное сердце», хранящее в себе множество таинственных слухов о всякой чертовщине, которая бродит там, в ночное время. Этим объясняется и тот факт, что это строение готического замка никак не удастся реставрировать. То проводка внезапно сгорит, то обвалится часть штукатурки, а то и стекла, застекленных окон ни с того ни сего вдруг разлетаются в мелкие осколки. На противоположной стороне от него, чуть ниже видны ступеньки крепко сбитой широкой деревянной лестницы, специально построенной для туристов. Эта пешеходная лестница ведет на не менее знаменитую Замковую гору. По преданию на этой горе был замок резиденции Князя, правяще-

го Киевской Русью. Во времена Татаро-Монгольского нашествия, а именно набега Крымского хана Менгли-Гирея, замок был разрушен.

Если взобраться по лестнице наверх-то взору с этой Горы открывается чудесный вид на Днепр, на Киев. Отсюда с высоты хорошо видна Андреевская Церковь и готический дом, который возвышается над Андреевским спуском, как призрак архитектуры средневековья.

Был погожий воскресный майский день. Мы с моей женой Лиличкой женаты уже шесть месяцев, и в этот весенний день убежали от домашних хлопот на прогулку по излюбленным местам города. В этот раз целью нашей прогулки была Замковая Гора. Взобравшись по лестнице наверх, мы вошли на поляну перед старым парком. Мое внимание привлекло дерево с необычной кроной. Ровный укрытый черной корой ствол без веток и сучков поднимался до двух веток, отросших от ствола на одном уровне и с противоположных сторон. Причем толщина веток равняется толщине ствола дерева. От этих веток вверх тянутся тонкие ветви. А ствол далее от этих веток простирается выше на метр и разрастается в раскидистую крону. Я подошел ближе к дереву, чтобы внимательнее рассмотреть его кору и породу.

– Валик! – позвала меня жена. – Что ты там увидел?

Я обернулся к ней: – Хочу взглянуть ближе на это дерево.

– И, что?

– Это, оказывается, ольха. И растет это дерево, обычно, на

влажных местах, близ водоемов. Странно, что тут высоченная гора, глинистая почва, воды нет, а эта ольха прекрасно прижилась.

– Ну и, что с этого? – удивленно взглянула на меня Лиля, – Пошли дальше посмотрим, что там дальше? Может какие-то остатки замка еще остались?

Я не стал возражать. Идя следом за женой по узкой тропинке, протоптанной в траве туристами, я с любопытством заметил на противоположной стороне поляны, напротив странного дерева, полуразрушенную могильную оградку. «Ага, значит это старинное кладбище. А это дерево похоже на крест, обросший ветвями» – догадался я, и жестом указал на то место и на заброшенную могилу жене. Она посмотрела на меня и тихо сказала: – Мне жутковато тут, что-то становитсяся.

– Что, может, уйдем? – предложил я.

Но, заметив пару молодых людей, появившихся, словно неоткуда на поляне, Лиля ответила: – Ну, уж нет! Да и мы тут, похоже, не одни.

Я огляделся вокруг и заметил еще одну пару, сидевшую на южном склоне Горы, на зеленом ковре травы под теплыми лучами майского солнышка. Мы вошли в заросли раскидистых деревьев и обнаружили еще несколько разрушенных могил с разбросанными то тут, то там могильными плитами из черного гранита. Углубляясь дальше, мы увидели хорошо сохранившейся просторный склеп кирпичной кладки.

Внутри склепа было много разного мусора и хлама. Ржавые оградки торчали искореженным железом из земли. Прохлада тенистых крон деревьев, старинные надгробья и тишина этого зловещего места вселяли неприятные ощущения уныния и тревоги, и, чтобы избавиться от нахлынувших чувств, я предложил: – Давай пройдем ближе к южному склону Горы, может, там найдем остатки старинного замка?

Жена, ухватившись за это предложение, как за спасательную соломинку, дающую возможность избавиться от страха, заползающего под легкую футболку, ободряюще посмотрела на меня. Вскоре мы уже были у развалин кирпичной кладки, по-видимому, фрагмента стены, некогда защищавшей замок с южной стороны. Здесь было светло и тепло. Солнечные лучи хорошо проникали сюда, так как стена стояла практически на вершине отвесного южного склона. У нас под ногами остатки выложенной мелким булыжником мостовой. Южный склон Горы делал крутой разворот вправо и уже становился почти отвесным западным склоном, основанием, упирающимся в Старый Подол. Складывалось впечатление, что мы стоим на вершине усеченной закрытой желтой глиной пирамиды. Стоя на ее вершине, поневоле в сознание закрадывается мысль о не найденной библиотеке бесценных старинных рукописей князя Владимира, крестившего Русь. Библиотека была укрыта от разорения захватчиками древней Руси и не найдена до сих пор.

Бродить по Замковой горе Лиле надоело, и она предло-

жила уходить, как можно быстрее с этой вершины домой. А у меня только разгорелся азарт исследователя старины и я не прочь был бы еще продолжить исследования этого места, но желание любимого человека, прежде всего, и мы двинулись вдоль южного склона в обратную сторону в направлении лестницы. Я с любопытством осматривался вокруг и вдруг под ногами на тесно уложенных булыжниках увидел неприметные три концентрические окружности. Более внимательные и любознательные туристы легко могут разыскать у южного склона Замковой Горы и видеть у себя под ногами эти уложенные концентрическими окружностями камни, вросшие в землю и ставшие почти не заметными. Камни были установлены острыми краями вверх и это сооружение, наверняка ритуальное, по всей видимости, для каких-то магических действий. Наружная окружность диаметром около 1,5 метра, внутренняя окружность диаметром около метра. Вокруг место было окружено кустарником и деревьями, а с юга, чистое пространство, так как там отвесной склон, уходящий в глубокий овраг, по которому шла дорога, ведущая к Подолу и к Подольской церкви. Там велось интенсивное строительство элитного городка под офисы и гостиницы.

Лиля быстро шла вперед, и я, чтобы не отстать от жены, не успевал, как следует, рассмотреть этот интересный пяточок, возбуждающий воображение своей необычностью. Мы уже подходили к поляне с росшим там крестообразным деревом, как из кустов донесся запах жареных шашлыков и голоса.

Я посмотрел в ту сторону и заметил там под сводами крон вековых деревьев свежевырытую яму с кучей вынутаго желтого песка и двух притихших парней уставившихся на нас. Парни посмотрели друг на друга, один из них, в оранжевой футболке, вскочил с места и двинулся в нашу сторону. В это время Лиля заметила его и ускорила свой шаг. Позже она мне сказала, что очень испугалась, что ей показалось, что это были черные археологи, ведущие незаконные раскопки старинных кладбищ в поисках ценностей. И, что они могли нас избить и зарыть в этой яме. Но, вернемся к парню, который ускоренным шагом приближался к нам. Он с каждым шагом подходил все ближе и ближе. Но лестница была уже рядом и мы первыми стали спускаться по ней. Я посмотрел на побледневшую жену и, чтобы успокоить ее, предложил:

– Лиличка, давай пропустим этого парнишку вперед. Он явно куда-то спешит. – Жена посмотрела на меня, перевела дух и остановилась на верхней смотровой площадке, как бы делая вид, что осматривает открывшуюся отсюда с высоты панораму Киева. Парень не глядя на нас, пробежал по ступеням вниз и скрылся из виду. И только сейчас моя жена укрылась розовым румянцем, пришедшим на смену бледной обеспокоенности на лице.

– Судя по внешности этого парня, он явно из Западной Украины. – Высказал я свои догадки, откуда этот человек.

– Видно по зверской mine, я сразу поняла что он приезжий. Зарезал бы, не моргнув глазом.

– Ну, так и зарезал бы? Ты, что одна здесь, что ли, жена?

За разговорами, мы добрались домой. А вечером, лежа в постели, Лиля сказала:

– Ты уже месяц не работаешь, после того как уволился из ОКТБ. А моей заводской зарплаты из «Медтехники» нам не хватит.

– Завтра устроюсь, обещаю.

Утро солнечное и теплое. За окнами первые листочки уже зеленели на деревьях во дворе дома и, отсюда, с высоты седьмого этажа, хорошо просматривается все, что растет там внизу. Я подбрил свою поросль на лице, оформив в аккуратную бородку. И после утреннего кофе с женой на кухне, стал собираться на поиски новой работы.

– Давай вместе выйдем, – предложила жена. – Мне на завод пешком, проводишь?

– Конечно, прогулка с тобой сулит удачу. – Пошутил я, на что жена строго ответила:

– Домой можешь не возвращаться, если не устоишься. – И, выдержав значимую паузу, – Понял?!

По ее строгим ноткам в голосе, я, конечно, понял, что шутки с моим трудоустройством закончились раз и навсегда.

Мы вышли из дома. Путь наш лежал вдоль озера по проложенной строителями Метрополитена дороге, разбившей Оболонское озеро пополам. Рядом с Либиной работой стоял комбинат бытовой химии «Заря». Комбинат не заботился об экологии и сливал всякий не потреб в западную часть озе-

ра. И когда это происходило, то со стороны комбината шел удушливый смог. Лиля часто жаловалась на неприятный запах и тошноту, когда на ее «заводик» дули ветра со стороны комбината. Я переживал за ее здоровье, но сделать ничего не мог. Мы всю дорогу молчали. Горький комок стоял в моем горле от ее напутственных слов по случаю моих поисков работы, а на душе кошки скребли. Вдали показался ее завод «Медтехники», и, распрощавшись с женой, я двинулся к станции метро «Петровка». Оставшись наедине с собой, и собрав мысли на поиске новой работы, я продолжил свой путь. Метро «Петровка», как спокойная людская река, всегда действовала на меня своим свободным и легким течением времени. Пассажиры в вагоне, в который я вошел, производили на меня всегда впечатление какой-то отчужденности, каждый из них занят своими заботами и делами и нет никакого дела до соседа, едущего и сидящего рядом или напротив тебя.

Так просматриваясь вокруг, я увидел нищего старика с палкой, ковыляющего по вагону с привязанным полиэтиленовым кульком к веревке, опоясывающую его выдавшую виды куртку. Ему пассажиры бросали всякую мелочь в этот кулек, а он благодарил их словами благодарности и желал всем процветания и здоровья. Я решил тоже дать ему кое, какую мелочь и стал рыться в кармане костюма. Не обнаружив там ничего, кроме 2-х копеек, вытащил из кармана пустую руку и решил, что так и будет, как вдруг обнаружил нищего

рядом со мной. Он упорно стоял, не сводя с меня пристального взгляда. Я вынужден был достать эти 2 копейки и сунуть ему в протянутую длань. Старик посмотрел на монетку, пробурчав, что-то невнятное зло швырнул монету мне в лицо. Я успел увернуться, а нищий, трясая своей, похожей на лопату, седой бородой, изрыгая проклятия, явно в мою сторону, вышел на перрон в открывшуюся дверь. Моя станция «Красная Площадь», ныне «Контрактовая», была следующей, и я решил выйти тут. Пройдя подземным переходом, я очутился на трамвайной остановке. Подъехал трамвай №11, не раздумывая, я вошел в него. Трамвай довез меня до завода «Электроприбор» и, следуя интуитивному предчувствию, что именно тут мое будущее рабочее место, я очутился в отделе кадров. Инженерно технический состав сотрудников завода на работу принимал начальник отдела кадров, поэтому я, обнаружив на дверях соответствующую табличку, открыл дверь его кабинета. У окна за обычным письменным столом, какими оборудованы заводские техотделы, сидел мужчина средних лет и поверх очков молча, уставился на меня. Кресло за другим массивным столом было пустым. Решив, что хозяина нет на месте, я бодро спросил:

– А где сам? – и, кивнул на кресло.

– Вы, кто? – зашелестев бумажкой в руках, вопросом на вопрос, в свою очередь, спросил сидевший.

Изобразив из себя важную «персону», я решил поймать удачу за хвост и недолго думая, выпалил:

– Я из конструкторского отдела. – Мужчина клюнул и переспросил:

– От Гольде? – понятия не имея, кто такой Гольде, я продолжал свой диалог, – Он направил меня к начальнику отдела кадров на оформление. Мужчина озабоченно потер правой рукой свой массивный нос, затем осторожно спросил:

– А, кто Вам выписал пропуск на завод?

– Да я увидел, что через кабинку проходят люди без пропусков, ну и прошел. У меня никто не спросил пропуск, да если бы меня остановили, конечно, я бы выписал.

– Ну да ладно. – Мужчина снова почесал свой нос. По всей видимости, от частых процедур массажирования у него этот орган так внушительно вырос. Мы, молча, смотрели друг на друга. Пауза затягивалась. Выдержав длительную паузу, он вдруг спросил:

– Документы у Вас при себе? – я не колеблясь, отчеканил: – Так точно.

– Давайте сюда, пойдём оформлять Вас. Да, а кстати, куда Гольде Вас берет, ну на какую должность? – я догадался, что моя затея с моим трудоустройством удалась. Осталось определиться с должностью. В моей трудовой было записано, что я инженер конструктор первой категории. Я, добавив себе звания, ответил: – На должность ведущего инженера конструктора.

Мужчина внимательно, испытующе, посмотрел на меня и сказал.

– Ну, у нас такой вакансии нет, есть вакансия ведущий инженер конструктор-технолог по сопровождению изделий в производстве.

– Начальник отдела имел эту должность в виду, я просто машинально повторил так.

– Ну, хорошо. Вот Вам листок и ручка.

Он вручил мне чистый лист бумаги, пишете заявление на должность. Вот садитесь сюда. – Он указал мне на стол, за которым сидел, а сам пересел за массивный, добавив на ходу, – Там образец заявления под стеклом.

Я достал из нагрудного кармана трудовую книжку, паспорт и передал ему. Он стал внимательно листать, изучая мою трудовую биографию. Полистав, и внимательно поглядев на меня, добавил: – Когда Гольде подпишет заявление, сразу ко мне. Я дам вам бланки заполните и можете выходить на работу.

Скрывая свое ликование, и стараясь писать как можно спокойнее, чтобы буквы в заявлении получались ровнее, я спросил: – Здесь в «козе» указывается оклад, что мне писать, ставить прочерк или сумму?

– Оставьте, место начальник отдела напишет оклад сам, когда будет подписывать заявление.

– Хорошо! – стараясь придать голосу больше уверенности, солидно ответил я. Написав заявление, я передал его начальнику отдела кадров. Тот на заявлении поставил отметку, что вакансия свободна, отдал его мне со словами:

– Идите в наш архив, там Зинаида Максимовна выпишет Вам пропуск, я подпишу, и идите на подпись в отдел Гольде. Потом ко мне за бланками.

– Есть! – по-военному отчеканил я и вышел.

Начальник конструкторского отдела смотрел на меня сквозь массивные очки, висевшие на носу, как на крючковой ветке саксаула хамелеон, а его серые глаза впились в меня, как две сверкающие линзы. Он держал в руках мое заявление, и листок чуть вздрагивал в его руках, покрытых черными кудряшками густых волос, хорошо видных из-за коротких рукавов цветастой тенниски.

– Ну-с, молодой человек, я Вас так сразу взять не могу на эту должность. Мне надо, какой-то испытательный срок, а там будет видно. Я подпишу заявление позже. Сейчас пойдете к Любченко Александру Владимировичу на собеседование, будете работать у него в конструкторско-технологическом секторе отдела сопровождения изделий в производстве.

Александр Владимирович оказался немногословным, не старым еще но, уже не молодым начальником с виду лет сорока пяти.

Увидев меня, он, молча, и вопросительно посмотрел в мою сторону, жестом указал на стул, приставленный к его рабочему столу, с папками чертежей. Я, молча, уселся на указанное место.

– Ну, рассказывайте что умеете, кто рекомендовал Вам

прийти к нам?

– Да не кто. Просто проходил мимо, дай, думаю, зайду. Ну, вот зашел. Кадровик направил в отдел Гольде.

– Александр Аскольдович, конечно, принимает только по рекомендации с допуском на объект не ниже первого.

– Так у меня допуск номер первый по секретной части. Тут все в порядке.

– Ну, тогда все отлично. Мы работаем на оборонную промышленность, и случайных людей тут нет.

– Так я закончил ВУЗ подведомственное Машиностроительной промышленности, а все эти институты исключительно обучают специалистов для военной промышленности.

– Ну, тогда этих проблем не будет. В основном Вы нам подходите.

С этими словами Любченко набрал внутренний номер телефона и сообщил:

– Александр Аскольдович, в принципе пусть оформляется. Он мне подходит. – Он выдержал паузу, слушая, что отвечал Гольде, затем добавил, – А, что с окладом? Да, хорошо. – И уже обращаясь ко мне, сказал, идите к Александру Аскольдовичу он напишет Вам оклад для отдела кадров, и когда планируете на работу?

– Сегодня четверг, май на улице, хочется еще подышать Весной. С понедельника.

– Хорошо. Работа у нас на заводе начинается с восьми,

сотрудники ИТР выходят на девять, так что милости просим в понедельник, хоть Вы мне нужны еще вчера. – Говоря эти слова, он начеркал на моем заявлении, что собеседование проведено и поставил дату выхода на работу.

Александр Аскольдович молча, подписал заявление. Я обратил внимание, что оклад не проставлен.

– Извините, Александр Аскольдович, а что с моим окладом?

– Выходите на работу. В зарплату увидите свой оклад.

Как от неожиданного укуса пчелы больно прозвучали эти слова. В ответ я промолчал, а про себя подумал, что оборонная промышленность финансируется без перебоев и стабильная зарплата мне обеспечена. Распрощавшись с новым руководством, я с подписанным заявлением выбежал за проходную к начальнику отдела кадров. В кабинете он уже поджидал меня. Молча, взял заявление, сказав:

– Трудовая книжка остается у нас, так как Вы приняты на работу. Вот в понедельник зайдете в отдел кадров отдадите заполненные бланки и принесите две фотографии, чтобы мы могли оформить Вам постоянный пропуск. Временный будет на проходной, назовете свою фамилию, и Вас пропустят на работу. Всего хорошего.

– Постойте, а, что с окладом?

– Я думал, что Гольде напишет Вам персональную надбавку к окладу, но у нас должность инженера конструктора-технолога первой категории сто двадцать рублей плюс квартал-

ная премия сорок пять процентов. Вот и считайте, со всеми вычетами набегает сто шестьдесят в месяц.

– Ну, что – ж и на этом спасибо.

– И еще, почему Вы сказали, что Вас прислал Гольде оформляться? Когда Вы с ним не встречались?

– Потому, что мне нужна эта работа. До свидания.

– Всего доброго.

Я уже открывал дверь кабинета, когда начальник Отдела Кадров окликнул меня.

– Подождите! Я совсем забыл сказать, что пока вы шли ко мне, позвонил Любченко и потребовал Вас обратно в отдел.

У меня холодком заползло нехорошее предчувствие: – «А, что если передумал принимать этот Любченко», – подумалось мне, вслух я ответил: – Да, хорошо, уже иду.

Начальник кинул вдогонку: – Временный пропуск уже на проходной, кабина номер шесть.

Любченко встретил меня приветливой улыбкой. Рядом с ним стояла женщина и моложавый мужчина.

– Знакомьтесь, Валентин Альбертович. – Начал Любченко, – Вы идете в группу к Исаю Александру Васильевичу.

Мужчина протянул мне руку, – Александр Васильевич, начальник группы сопровождения. И, обратите внимание, рядом со мной Тамара Петровна, тоже из нашей группы.

Женщина протянула мне маленькую и сильную ладонь, пожала мою руку, сказав, – Я буду Вам подсказывать иведу Вас в курс дела. Проведу по цехам и отделам, чтобы Вы,

Валентин, вошли в курс дела.

– Ну, не наседайте так, Тамара Петровна, – вмешался Любченко, – пусть обвыкнет немного. – И, обращаясь ко мне, сказал, – Пройдемте Валентин Альбертович, я Вам покажу Ваше рабочее место, вон там рядом с моим, за тем кульманом.

Мы прошли вдоль ряда чертежных досок, закрепленных на металлических стойках к моему рабочему месту. Там уже лежали папки с чертежами на моем теперь уже письменном столе, к которому меня подвел Александр Владимирович.

– Вот здесь Вы устраивайтесь и можете посмотреть чертежи. Мы проверяем правильность чертежа и вносим изменения согласно действующим стандартам. Надеюсь, Вам это знакомо.

– Конечно. Я ведь работал конструктором первой категории в ОКТБ при Министерстве Торговой Промышленности Украины, и все действующие Гости знаю.

– Очень хорошо. Ну, смотрите и желательно, чтобы вы досидели до восемнадцати ноль-ноль. До конца работы. Этот день Вам будет зачтен, как рабочий. Ну и еще, если захотите выйти раньше на работу, то милости просим. Пока Вы будете в отделе, в цеха сможете ходить после того, как получите специальный пропуск, так как ведомство наше принадлежит Военно-Морскому Флоту и многие разработки, которые выполняются у нас с грифом секретно. У Вас же есть номер первый допуска, вот после соответствующих проверок, что

будет длиться месяц полтора, Вам выдадут цеховой пропуск.

Я уселся за свой стол и стал листать чертежи, внимательно рассматривая детали механизма, и выявил несколько ошибок. Любченко меня похвалил. За работой время промелькнуло быстро. У Лили рабочий день кончался раньше, и она меня встретила в слезах и в упреках:

– Что, не мог скотина позвонить, что ты уже работаешь, а?

Я, конечно, оправдывался, как мог. Жена немного смягчилась, конечно, помогло мое трудоустройство. Затем, утерев слезы носовым платком, спросила:

– Ну, и сколько тебе дали денег? – на что я не смог ответить внятно, сказал лишь, что узнаем в зарплату. И, в конце концов, все обошлось мирно.

Работа мне нравилась, но была очень однообразной и нудной. От этого клонило ко сну, и часто с сотрудниками я выходил на перекур, чтобы хоть как-то прогнать наплывающую сонливость, и конечно же, никогда не курил.

Глава вторая

Я уже проработал четыре месяца. Получал исправно аванс и зарплату вовремя. Как то Любченко сказал, что уезжает в Питер, так на заводе «Электроприбор» называли Ленинград в то памятное время, когда мы жили и работали в Советском Союзе. Командировка его должна была продлиться две недели, за себя начальник сектора конструкторско-технологического отдела оставил Исаю Александра Васильевича. Александр Васильевич несказанно был рад этому, и настроение его было не просто приподнятым, а, сверх приподнятым. Он шутил со всеми, сыпал остротами и рассказывал анекдоты. В отделе, царила у сотрудников всеобщая эйфория в связи с отъездом начальника сектора в командировку в «Питер». Я не понимал такого приподнятого счастья, хоть по лицу Любченко не скажешь, что он обрадовался этому. При каждой приближающейся к нему сотрудницы, он робко вздыхал, доставал свой карманный блокнот и заранее уже знал, что от него хотят, аккуратно записывая, что привезти тому или иному сотруднику.

Короче я, прейдя на работу на следующий день, обнаружил половину отдела небыли по разным причинам на работе. Вот почему такая радость царила вчера, а сегодня я и Тамара Петровна, бегали по цехам, проверяя внедрение изменений в производственный процесс. В одном цеху мы столкнулись.

– Ну, как Валентин, тебе работа?

– Да ничего, видите, справляюсь. – Предательская мысль сверлила меня с того самого момента, как я понял всю радость командировки Любченко для отдела. Набравшись храбрости спросил Тамару Петровну: – А, что если, Тамара Петровна...

– Так, Валентин, не Тамара Петровна, а Тамара. – В ее черных глазах засверкали веселые искорки, а полные чувственные губы чуть тронула ироничная улыбка, вызвав у глаз намечающуюся сетку «солнечных» морщинок. Я в душе был до крайности удивлен этому заявлению, называть ее по имени, считая, что в ее возрасте давно пора забыть о днях давно минувших. Но в этот деликатный момент, скрывая свое смущение, выдавил из себя ее имя без ее отчества:

– Тамара, а скажите мне, нельзя, как-нибудь сегодня пораньше уйти. Начальство уехало, нет ни Гольде, ни Исяя, и Любченко в придачу.

– Тебе куда-то надо? – поинтересовалась Тамара Петровна.

– Проветриться хочу. За окном золотая осень, конец сентября. Вы же знаете, что на новом месте всегда с трудом вписываешься в работу и устаешь.

– Понимаешь, Валентин, на проходной контроль и обязательно доложат Любченко, а он снимет прогрессивку. – Она снова посмотрела на меня своими искристыми глазами, потом, добавила, – Ну, сегодня дежурит на проходной моя дав-

няя приятельница, когда придем в отдел я позвоню ей. Нет, лучше схожу, договорюсь. Только смотри, не попадись на глаза главному инженеру или начальнику отдела кадров, хорошо. Ну, пошли. Ты давай в отдел, а я скоро буду и скажу тебе.

– От спасибо Вам, Тамара. – Напряжение разговора улетучилось вмиг, и я с душевным облегчением уже бежал по ступенькам лестничного марша к нам в отдел.

Она появилась, не успев, я закрыть за собой дверь отдела.

– Шестая кабина, можешь идти. Как раз обед скажешь, если встретишь кого-то из контролеров, что выходишь на обед. Но в этом случае придется вернуться обратно. Понял?

– Конечно, и спасибо Вам.

– Не за что. – Опустив глаза, ответила Тамара Петровна. Услышав за своей спиной ее душераздирающий вздох, стремительно приближаясь к своему рабочему месту. Надо привести тут все в порядок, так, как сегодня пятница, а впереди два выходных дня. И уже через пару минут я уже был на проходной. С замиранием сердца, чтобы никого не встретить, я быстро прошел кабиной номер шесть на выход и быстрым шагом умчался на стоянку трамвая. К остановке, как раз подкатывал, скрипя колесами о рельсы трамвай номер три. Двери открылись и из первых вышел Исай, я входил в заднюю, поэтому мы, по чистой случайности, не столкнулись. Неприятное чувство волной отхлынуло от меня только тогда, когда трамвай тронулся с места. В окно мне хорошо было

видно, как неторопливой походкой Александр Васильевич стал подниматься ступеньками к торговому павильону, где наш завод продавал разный ширпотреб собственного производства. Значит, начальник группы сопровождения изделий не намерен заходить на завод, а тем более в отдел, и я со спокойной уверенностью поехал дальше. Наконечной трамвая «Контрактовая площадь» я вышел, взглянув на свои часы, стрелки показывали 12-30. Домой ехать не хотелось, и я решил пройти по Андреевскому спуску, вверх к Андреевской церкви и там уехать вниз на фуникулере к станции метро «Почтовая площадь». Вверх по мощеной камнем улице подниматься было не совсем легко, вскоре я очутился, у музея писателя Булгакова, устав, я уже совсем не хотел идти дальше. Остановившись у памятника писателю, я стал рассматривать ряды торговцев сувенирами, что расположились по обе стороны мостовой. Взгляд скользнул на лестницу, ведущую вверх к вершине Замковой Горы. Что-то подтолкнуло меня перейти на другую сторону улицы, и я влекомый непонятными чувствами решил подняться туда и более внимательно рассмотреть все вокруг. Так и время пройдет незаметно. Надышусь кислородом, будет здоровее сон, подумалось мне. Не спеша я перешел на противоположную сторону Андреевского Спуска и очутился у лестницы, которая терялась, прячась в высоте за ветками буйной листвы. Энергично цокая каблучками туфель, мимо меня промелькнула черноволосая девушка с длинными волосами, собран-

ными хвостом. Мельком окинув меня взглядом, ступила на камни мостовой и скрылась из виду. Я механически посмотрел на ее волосы и лениво ступил на лестницу, стал подниматься вверх. Яркая оранжевая и красная листва вперемешку с желтыми листьями, бликами отсвечивала солнцем, мягко и ласково, как бархат, лучи пробивались сквозь нее, освещая своим теплом все вокруг. Поднявшись еще на метров пятнадцать, я остановился, чтобы перевести дух и с высоты смотровой площадки, открылась сказочная панорама Андреевского спуска, чуть дальше виднелся Днепр с прогулочным катером, медленно плывущим против течения. Как игрушечный кораблик отсюда с высоты, наблюдался его белый остов с фигурками, сидящих на палубе за столиками туристов. Постояв еще немного, я выбрался, наконец, из лабиринта лестницы и очутился на Замковой горе.

Тут я решил более подробно пройтись по тем местам, где совсем недавно, весной, мы с Лиличкой гуляли ее, казалось, еще нехоженными тропами.

Стараясь не смотреть по сторонам, я ускоренным шагом прошел поляну, ступая по сухой осенней траве, скрывающей тропинку, протоптанную туристами. Моей целью был фрагмент стены старинного замка, сохранившейся в не разобранной кирпичной кладке очевидно из-за сложных подходов для транспортирования добытых кирпичей. А самое главное, что привлекало меня в этой стороне Замковой Горы, это угол почти отвесного обрыва, упирающийся в Старый По-

дол. Мне хотелось более внимательно рассмотреть этот стык двух сторон Горы, так напоминающий облепленные глиной стороны усеченной древней пирамиды. Наверняка в этой горе есть потайные подземелья и ходы, где могут быть спрятаны сокровища. На эту мысль меня натолкнули и те черные археологи, с которыми мы столкнулись здесь с Лилей весной. Углубившись в эти мысли, я не заметил, как очутился у развалин стены. Рассматривая внимательно грунт и окрестности, решил пройти за стеной, протоптанной в глине тропой, ступенькой тянущейся к ребру стыка крутых холмов Горы. С мину прикидывая, что я там смогу увидеть, я понял, что кроме отвесных холмов заросших сухой травой, ничего не увижу интересного, поэтому принял решение, осмотреться здесь, где нахожусь. Да и понятно, что все ходы, в разные подземелья начинаются, конечно, с внутренних сторон замков, маскируемых под всевозможные внутренние сооружения. И вообще мне уже эти поиски порядком надоели, что стоило подняться по Андреевскому спуску от Красной площади сюда наверх. Усталость внезапно навалилась и я, решил уйти, благо спускаться вниз не то, что лазить по горам. С этим я стал уходить, ступая по редким остаткам старинной мостовой. Дойдя до небольшой возвышенности, выступающей неприметным холмом, обнаружил выложенные булыжниками три неприметных концентрические круга, которые мы с Лиличкой обнаружили еще весной, и о которых я забыл. Я, как и в прошлый раз с интересом стал рассматривать

это сооружение, почти не заметное для гуляющих туристов. На первый взгляд, что бросается в глаза это то, что очевидно кто-то оградил место для костра и от пепла и разного наносного мусора круги почти сравнялись с землей и стали не заметны. Но с другой стороны, больно уж камни выложены аккуратно и ровно. Любители шашлыков и романтических ночных посиделок под гитару у костра так не будут старательно выкладывать кольца. Явно место – это предназначено для какого-то мистического ритуального действия. Поклонению огню, например, когда разжигают в определенном месте костер, а потом прыгают через огонь. Считается, что при этом сжигаются все грехи, очищая огнем прыгающего человека через ритуальный костер в ночь языческого праздника Ивана Купала, некогда зародившегося в Древней Руси. С другой стороны, а если замок Киевского князя стоял на вершине остатков какого-то мегалитического сооружения, и по его приказу умело, засыпан вязкой глиной так, чтобы крутые склоны стали прочнее и не преступнее для врагов. А внутри, под замком, соорудить вспомогательные помещения и тайники, и подземные ходы, а может, там уже все это было.

Я строил догадки и не заметил, как уже стою в центр круга. Остановился там, огляделся вокруг и замер от неожиданности. В мгновение все изменилось, небо укрылось густыми свинцовыми тучами, и пошел холодный проливной дождь. Вода лилась с неба как из ведра, порывы ветра рвали жалкие остатки осенней листвы на деревьях. Порыв мокрого хлест-

кого ветра больно хлестал меня по щекам и вытолкнул из кругов. Я поневоле протер глаза. Светило солнце, мирно шелестели желто-оранжевые листья на клене, что рос неподалеку. Я вытер мокрое лицо правой рукой, расправил слипшиеся волосы на голове и машинально взглянул на часы. Стрелки наручных часов показывали ровно 17-30. Надо спешить, пока дойду до метро, будет около шести вечера. Я, конечно, еще ничего не смог осознать, что произошло, поэтому даже не успел потерять чувство реальности. И только успел перевести дух, как до меня стало доходить событие происшедшего приключения. Я со смешанными чувствами, хлопая туфлями полными дождевой воды, брел поляной к пешеходной лестнице, все, ускоряя и ускоряя шаг. И только на ступенях, опираясь на поручень смотровой площадки, стал снимать туфли по очереди, выкручивая мокрые носки. Брюки рабочего костюма, прилипали к ногам при ходьбе, и кожа на ногах стала раздражаться неприятно, зудеть тело. Домой я приехал вовремя, с порога меня встретила жена:

– Ты где целый час пропадал, а? В пятницу у тебя работа заканчивается в пять часов.

– Блин, я забыл. Забыл и просидел там до шести.

– А, что твой Любченко, тоже сидел до шести?

– Его послали в командировку, и все сразу разбежались пораньше.

– Ты чего такой мокрый? – заметила Лиля. – Дождя вроде нет. – Подозрительно осматривая меня, остановилась, ожи-

дая ответа. Затем, спохватившись, воскликнула:

– Бегом в ванную. Немедленно прими горячий душ и как следует, согрейся. Потом расскажешь, где ты облился водой?

Я побрел в ванную, сбросил в таз мокрое, и хорошо вымылся под теплым душем.

И уже позже, так и не смог ей внятно объяснить, что произошло со мной и где, и почему, я промок до нитки под дождем...

Глава третья

В понедельник, как обычно, я пришел на работу к 9-ти утра. В отделе у своего рабочего места стоял Исай с Тамарой Петровной. Лица их были напряжены и не веселы, как обычно это бывает. Поздоровавшись, я проследовал к своему рабочему месту.

– Валентин Альбертович, подойдите сюда на минутку. – Тоном, не сулящим ничего хорошего, поздравал меня Александр Васильевич.

– Что? – спросил я, приблизившись поближе.

– Вас видел начальник кадров, когда Вы выходили с завода на обед и не вернулись, было?

– Он меня не мог видеть. – Сказал я, глядя в пугливые глаза Тамары Петровны. На что Петровна ответила:

– Валентин, не надо на меня так смотреть. Просто Владимир Андреевич, так из своего кабинета наблюдает за сотрудниками. Его не видно, а он видит всех.

Я мгновенно понял, что обманом, устраивался на работу и этим нажил себе врага номер один в лице начальника отдела кадров. И, чтобы разрядить обстановку, спросил: – А когда он уходит в отпуск? – на что Исай ответил: – Он трудоголик, и всегда предпочитает отпуск зимой, под новый год.

– Да, не повезло мне.

– И не только Вам. – Сказал угрожающим тоном Исай. –

За такие нарушения лишают прогрессивки не только Вас, а весь отдел. – Он умолк и хмуро уставился в одну точку. Я посмотрел в сторону его взгляда. На чертежной доске кульмана, куда смотрел Исай, мне показалось, что там стала выделяться струйка дыма, как от сфокусированного лупой солнечного зайчика. А вездесущая Тамара Петровна, глухим голосом, вдруг сказала, глядя увлажненными глазами на Александра Васильевича:

– Саша, может что-то можно сделать, первый раз все-таки?

– Да я поговорю со Щекиным, Владимир Андреевич мужик неплохой на первый раз может и пройдет. – На этом мы разошлись по рабочим местам, и в нашей группе воцарилась напряженная тишина, слышалось нервное шелестение чертежной бумаги да хлопанье перелистываемых папок с чертежами. Вскоре, Тамара Петровна улетела в цеха, за ней вышел и Александр Васильевич. А у меня досадой снова свело горло, комом подступило к небу недоброе предчувствие беды. Все-таки обидно начало карьеры омрачать выговорами, якобы во всех бедах коллектива виноват кто-то один, и этим человеком оказался я. Мне стало невыносимо сидеть в этом помещении, слышать сопение коллег по труду и ловить их косые взгляды. И даже две студентки стажерки политехнического института, приписанные в наш отдел отбывать положенную практику, стали шушукаться, поглядывая настороженно на меня. Хорошо, хоть Любченко Александра

Владимировича не было, Ну и Гольде Александра Аскольдовича с ним.

Совершенно выбитый из рабочей колеи, я не мог находиться больше в этом помещении и дышать с запахом аммиака воздухом, от свежих копий чертежей, аккуратно уложенных в чертежные папки. Что же делать, в этой, совершенно идиотской ситуации, я не знал, а надо бы вырваться на свежий воздух и обдумать спокойно свое поведение среди этих людей, окрысившихся на меня. Спасительная мысль пришла неожиданно и как-то сразу подвинула к действию: – «Да скажи этим доброжелателям, что тебе надо к зубному врачу, что зуб болит». Ухватившись за спасительные мысли подсказку, я в нетерпении начал поджидать Исаю. И как по наитию он влетел в отдел, со словами:

– Папку забыл с чертежами.

Не давая ему опомниться, я быстро подбежал к нему: – Александр Васильевич!

– Да, да, я Вас внимательно слушаю?

– Мне бы к врачу.

– Что-то срочное?

– Да. Я хотел отпроситься с утра, да из-за нашей пятиминутки вылетело из головы.

– Да я тоже от неожиданности даже папку забыл.

– Я промучился два выходных, думал сам пройдет, а не тут-то было. Да я и в пятницу твердо решил к врачу с этим зубом, но, честно сказать, побоялся. Так что?

– Ну, вот так хорошо, отпросился бы и никаких разговоров. Зайди в кадры, возьми увольнительную. Только вот, что, не попадайся на глаза Щекину. Там есть Зинаида Максимовна, она выпишет увольнительную и подпишет за него, а я подпишу. Ну, давай иди, а то зуб заболит еще сильнее. – От этих слов у нашего Саши глаза заискрились от улыбки.

– А, где Вас найти?

– Послушай, Валентин, я еще не старый, давай на «ТЫ», а то мне, как-то неловко с тобой разговаривать, это у нас Любченко только всем «ВЫ» говорит.

– Да хорошо. Ну, так я пошел. А потом к тебе на подпись.

– Да, давай иди. Знаешь, где наша поликлиника? Сегодня там как раз стоматолог принимает.

– У меня теща в институте стоматологии, что напротив Бессарабского рынка, врачом стоматологом работает. Ждет меня уже.

– Ну, иди. – Он сунул папку с чертежами под мышку и выбежал за дверь. А я со вздохом облегчения, вышел через кабину номер шесть. На вопрос дежурившей там вахтерши, – Куда идете? – ответил, что иду за увольнительной. Процедура эта заняла у меня не больше десяти минут. И еще через пять минут я с видом победителя вручил увольнительную охраннику в кабине номер шесть. Тот долго рассматривал бумажку с подписями, я не выдержал, съязвил-таки: – Подписи все подлинные, что не так?

– Тут должна стоять подпись начальника отдела кадров.

– Но там подписано Зинаидой Максимовной, у нее есть официальное право утвержденное руководством завода и секретной частью. – Не сдавался я. Охранник тупо уставился на меня своими злыми маленькими глазками, и неспешно не сводя своих мышинных глазок, медленно продел бумажку на торчащий штырь, на котором уже болталась стопка увольнительных пропусков.

– Проходите! – пробурчал он, нажимая на педаль стопора вращающейся крестовины. Я, как на взведенных пружинах выскочил на свежий воздух за проходную завода и столкнулся с Исаем.

– Александр Васильевич, а откуда это ты?

– Я был в кадрах. Считаю, вопрос о твоей самоволке снят. Ну, там есть отдельный ход со второго этажа. Так, что все в порядке. – С улыбкой, ободряюще смотрел на меня мой руководитель группы.

– Ну, до завтра.

– Да, пятница и сегодняшний день не будут табулироваться.

– Понятно, что я не получу ни копейки за эти дни. – Но Исаю уже не было рядом. С чертежами под мышкой он стоял на ступенях крыльца проходной и разговаривал с военным в форме военно-морского флота СССР.

Оставшись, наконец, с самим собой, я медленно побрел пешком вдоль трамвайных путей в сторону Красной площади. Там возле памятника Украинскому философу Григорию

Сковороде, я уселся на деревянной скамейке и стал размышлять о своем теперешнем положении в специальном конструкторском отделе завода «Электроприбор». Мимо проезжали маршрутки, некоторые останавливались возле скамейки, на которой я сидел. Наконец до меня дошло, что я нахожусь на стоянке маршрутного такси. Пришлось, приподнялся и двинулся в направлении Андреевского спуска. Следуя вдоль сувенирных рядов, я не заметил, как поднимаюсь уже знакомой лестницей в направлении вершины Замковой Горы. Ноги, словно сами собой двигались в этом направлении, и, что самое удивительное я не чувствовал никакой усталости. И всей виной этому была непередаваемая жажда не изведанного чуда. Мне хотелось вновь ощутить странную перемену погоды, и я направился прямо к этим магическим кругам, сам не зная почему. Волнение наполняло мои чувства. Особенно хотелось почувствовать себя исследователем неопознанного явления природы, о котором нельзя сказать даже самым близким людям, чтобы не сочли тебя не совсем в адекватном расположении духа. Но сегодняшний разговор в отделе сказался неприятной метаморфозой так, что мне хотелось вообще послать все на свете и окунуться во что-то не предсказуемое, чтобы раз и навсегда покончить с пережитыми минутами унижения содеянным проступком. Более не колеблясь, я взглянул на свои наручные часы, чтобы не опоздать домой, и не выдать того, что меня не было весь день на заводе. Часы показывали ровно одиннадцать ноль-ноль и

надпись дня «среда», конечно же, одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Определив время, я смело ступил в центр кругов. Мгновенно все вокруг изменилось. Деревья и кусты, почему-то стали в два раза меньше. Некоторых деревьев не было вообще ни на своем месте, ни рядом. Было много пространства и света, и было прохладно. А на ветках кустов и близких деревьев листва не наблюдалась. Ветра не ощущалось, солнце светило приятным теплом, но не грело. Поежившись от холода, я ступил обратно из кругов, на место где только что стоял в изумлении ничего не происходило. Пейзаж, который только что в мгновение ока изменился, стоял неизменным. Я похолодел от страха. Многократно прыгая в центр кругов, и обратно я пытался вернуться в свою реальность, но все напрасно. Мои манипуляции ни к чему не приводили. Отчаявшись, я понял, что произошло. Меня нет в моем измерении, я в другой реальности. Я стал лихорадочно соображать, что это могло значить. На мысль приходили отчаянные примеры терявшихся людей в пещерах, исчезновение целых экипажей судов в открытом море, и даже вспомнился поезд призрак, исчезнувший в начале девятнадцатого века в итальянском туннеле с пассажирами. Постепенно я стал приходить в себя, борясь с отчаянием своего глупого поступка. Затем стал логически сопоставлять факты, пытаюсь в памяти отыскать более конструктивный подход к случившемуся. В этом новом измерении я обнаружил пень срезанного дерева и присел на него. Тело сразу ощутило холод-

ное прикосновение, но мне уже было все равно, я перестал ощущать холод. Раздумывая над своим возвращением, я все же не мог поверить, что это случилось именно со мной. Посидев еще немного, сделал последнюю попытку. С закрытыми глазами вошел в центр и осторожно открыл глаза, медленно поднимая ресницы. Все оставалось на месте, ничего не меняясь. Пришлось вернуться на пень. Холод и отчаяние постепенно покинуло меня, на смену появилось холодное и трезвое мышление факта произошедшего. Я стал рассуждать более хладнокровно. Итак, если это явление существует, значит, оно существует де факто. Значит тот, кто попал в эту реальность, тот из нее и вышел, иначе не было бы отмечено это гиблое место, аж тремя кругами. Но, что означают три круга. В моем случае это может означать, только то, что первый раз я вошел, и смог немедленно выйти. И это обозначено внешним кругом. Второй круг, средний, означает то, что второй раз человек застрянет в чужой реальности надолго. А что значит средний круг, по всей видимости, то, что этот феномен существует и, что существует именно в этом месте. Человек, столкнувшийся с этим явлением, как бы оставил зашифрованное послание, своему визави по несчастью, что не отчаивайся, что ты можешь вернуться и вернуться в определенное время. Вчера! Нет в пятницу, меня вытолкнуло, обратно в мою реальность. Значит, в пятницу я могу вернуться и вернуться только через год. Что же делать? Надо год, где-то прожить, что-то есть, и пить, что-то делать. Боже

ж мой, вот это да, вот так влип. Кому рассказать никто не поверит, сочтут не в своем уме. Ладно, факт случился и решение принято. Надо выжить в новой реальности, не потеряться и контролировать ситуацию. Ведь я в Киеве, кругом должны быть люди, главное определится с здешней реальностью, ну хотя бы узнать какой сейчас год, и что тут происходит? И оставаться в тени и не привлекать внимания к себе. Итак, начну адаптироваться, чтобы добраться до моего часа возвращения, который наступит в пятницу следующего года в конце сентября 25 числа.

Успокоив себя этой возможностью возврата в свою реальность, я уже спокойнее решил двинуться на разведку чужой реальности. Пройдя по мокрой сухой траве к предполагаемой туристической лестнице, с ужасом обнаружил сплошные заросли кустарника, сквозь голые ветки, которого, просматривался крутой обрыв, ниспадавший прямо к домикам на Андреевском спуске. В отчаянии, взглянул на Андреевскую церковь, которая с высоты Замковой Горы хорошо была видна и по-прежнему стояла маяком на своем законном месте, куда ее в свое время водрузил знаменитый архитектор Растрелли. От этого на душе стало немного легче, и я повинуясь инстинкту самосохранения, просто механически, почти ничего уже не понимая, ринулся, как заблудший корабль в океане, на свет этого маяка бредущей в дали надежды.

Дойдя до края вершины, я нашел протоптанную тропинку, ведущей под гору, которая терялась далее в направлении

церкви. По тропинке стал быстро спускаться с Горы, впереди была еще одна возвышенность, не такая большая, как замковая гора. Пройдя ее, я спустился на мостовую Андреевского спуска. Здесь не было ни торговцев сувенирами, ни рядов художников со своими творениями. Старые обветшалые домики лепились друг к дружке. У некоторых

Стены были облуплены, от них веяло затхлостью подвалов и чудовищной бедностью. Мимо меня проходили люди одетые в старые, выдавшие виды одежды и с любопытством рассматривали мой рабочий костюм, состоящий из суконной куртки цвета выгоревшей на солнце травы, промокшие туфли, белую рубашку с черным воротником и галстук в крапинку, подаренный мне на день рождения женой. Я решил не концентрировать внимание на этих взглядах прохожих и двинулся дальше к церкви. У ступенек увидел киоск «Союзпечать». Подошел поближе, заглянул в окошко киоска. На меня смотрело лицо продавца с крупным носом и острыми серыми глазами, как бы спрашивая, что Вас интересует, молодой человек. Я с любопытством стал рассматривать витрину с выставленными журналами, «Крокодил», «Юный техник», «Советский спорт» и другие печатные издания. Киоскер не выдержал паузы первым, спросил меня:

– Вы наверно командировочный, молодой человек? – услышав голос, я обрадовался человеческой речи, и, сдерживая эмоции и волнение, спросил, в свою очередь:

– А можно узнать журнал «Здоровье» у Вас имеется?

– Конечно, мы продаем, но его мало в киоски попадает, лучше выписать, всего рубль пятьдесят на год. – Но меня мучил один единственный вопрос, какой сейчас год, день, и месяц? И я стал спрашивать еще, наугад: – Сейчас сентябрь, тридцатое, а на следующий месяц, октябрь, я могу выписать? – Стал внимательно наблюдать реакцию киоскера, но тот и глазом не моргнул, значит, с месяцем и числом было все в порядке, а вот, что касается года? Но киоскер сам подсказал мне год.

– Знаете, на пятьдесят третий, лучше выписать сразу, вот за месяц до конца пятьдесят второго, можно уже выписывать, а то может получиться, что и не хватит. Этот журнал самый популярный у нас в Киеве.

– Эй, ты, что там застрял?! – услышал я за спиной грубый голос. – Ты берешь или не берешь?

– Что на командировочного бросаетесь! – прикрикнул на мужчину киоскер.

– Да, ладно Вам, на фронтовика пургу нести, с Вашим командировочным ничего не случится. Дайте-ка лучше журнал «Советский спорт». Посмотрю, как там «Динамо» со «Спартак» сыграли?

Но я их уже не слушал. Мне было ясно, что на дворе одна тысяча девятьсот пятьдесят второй год, тридцатое сентября, а в календаре, что висел в витрине киоска, я увидел, что сегодня вторник.

Надо было что-то решать. День неуклонно двигался к кон-

цу. Становилось холодно, и нет никакого желания быть за решеткой. Но это касалось молодых и здоровых, так как в то, далекое время, из Киева вывозили бездомных куда подальше, устраивая их на работы, после выяснения личности. У меня, кроме красного пропуска на завод «Электроприбор» никаких документов не было. Поэтому самый надежный вариант был один и налицо, прикинутся нищим старцем и выйти из города в село. Я вспоминал свое детство, стараясь припомнить себя в этом возрасте и всех, кто приходил к нам за подаванием. Бог ты мой, конечно был один нищий, он жил в нашем селе, и моя бабушка его жалела и кормила иногда. Я даже догадывался где-то в подсознании, кто это был. Ну конечно это был я. Поскольку мне в пятьдесят втором было шесть лет я, конечно, не мог нищего и старого себя рассмотреть более подробно. Помню, только, что у меня была длинная седая борода и седые волосы. Ничего удивительного, после пережитого броска в прошлое можно окончательно поседеть. А моя борода быстро отрастет, и к весне, и к лету я точно буду с длинной бородой и седыми волосами. Я еще припоминал, что нищего звали Дорош. В те времена на нищих старцев не обращали особого внимания. Они сидели возле церкви, прося подавания, и власти обходили их стороной, потому, что «Божий» человек вреда никакого не представлял для Советской Власти и был под защитой духовенства. Также, нищенствующему старцу при церкви, давали поесть в трапезной для нищих. Можно было поесть и со-

греться. Итак, надо было преобразиться в нищего, это был единственный залог того, что через год я доберусь до этого Временного Портала и вернусь в свою реальность. Как же быть с этим преображением. Надо найти палку. И палку необычной формы, чтобы было видно, что это Старец, под тяжестью своих лет ему трудно ходить, и он вынужден опираться о клюку. Самое главное найти простую и неприглядную одежду. На базарной свалке можно раздобыть выброшенные мешки от фуража. Как раз в 1952 году действовал Житный базар, где продавался фураж, сено, лошадиная сбруя, овес и разные хозяйственные принадлежности. Там же можно договориться доехать до моего родного села Шпитьки, Киево-Святошинского района. В селе действовала церковь, точная копия Владимирского Собора Киева. До революции в Шпитьках была резиденция знаменитого сахарозаводчика Терещенко, он же и вложил деньги в строительство церкви. Дьякон, Феодосий Кузьмович, пел в церковном хоре и по совместительству работал колхозным пасечником. И я часто бегал к нему откусать меда. Он щедро давал мне свежий мед, и мы с ним беседовали. Конечно, я там и я буду вот в таком виде Старца, иначе не выжить мне в этой реальности в этот 1952 – 53 год. Пока еще не вечер, я решил начать преображение свое из Сенного базара, что на Подоле. Как было, кстати, что я случайно не вынул из кармана своих брюк объемный полиэтиленовый кулек, носивший его на всякий случай для продовольственных пайков, которые да-

вали нам за вычет из заработной платы. В этот кулек я спрячу свою одежду, где-нибудь на Замковой горе, чтобы в назначенный срок переодеться и вернуться через этот Портал в свое время.

На Сенном базаре торговцы потихоньку уже сворачивались. Некоторые на подводах уезжали, продав свой товар. Вглядевшись внимательней в подводу, состоящую из двух лошадок, телеги с набросанной соломой и пустых корзин, а что самое главное ездовой мужчина, как будто вышел из тех далеких детских воспоминаний. Да это был все тот же дядя Ваня, которого я знал в раннем детстве, муж моей родной тети Гани. Я потерял голову от этого, мне захотелось броситься к нему, сказать, кто я такой, и рассказать все, что произошло со мной. Но трезвый рассудок подсказывал не делать опрометчивых действий. Чтобы, как то прийти в себя, и принять обдуманное решение, я схватился за галстук и стал снимать его, резкими нервными движениями. Справившись с этим, сложил и спрятал галстук во внутренний карман куртки, не переставая наблюдать за подводой. К ездовому подошла женщина, с девочкой подростком у каждой в руке были корзины с покупками. Скупились на вырученные от продаж своих товаров деньги, купили разных вкусностей, и сейчас уедут. Я в женщине узнал тетю Маню с дочкой Олей или попростому ее называли Леся. И тут спасительная мысль пришла мне как по наитию, а, что если мне прикинуться племянником брата моей бабушки. Тем более, что моя бабуш-

ка Срибная Евгения Лаврентьевна давно не гостила в своем родном городе Переяслав-Хмельницком. Вооружившись этим решением, я ринулся к телеге дяди Вани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.